

С.В. НАУМЕНКО

г. Канск
Красноярского края

Вопрос о ведущем принципе русского правописания в орфографической полемике послереформенного периода (1917–1956 гг.)*

В статье рассматриваются споры о ведущем принципе правописания в послереформенный период, устанавливаются аргументы сторонников фонетического принципа как основы нового реформирования правописания и дается характеристика теоретического обоснования «Проекта реформы правописания» орфографической комиссии 1929 г. Анализируются взгляды представителей МФШ и ЛФШ на ведущий принцип правописания и утверждение морфологического принципа как основы нормализаторской деятельности правительственных орфографических комиссий, принимавших участие в разработке Свода 1956 г.

Ключевые слова: *орфографическая реформа 1917 г.; несовершенство русской орфографии; фонетический принцип правописания как основа дальнейшего упрощения правописания; орфографическая комиссия 1929 г.; проект реформы правописания 1930 г.; дискуссия сторонников фонематического и морфологического принципов.*

Ожидалось, что с реформой орфографии 1917 г. наконец-то «Молох XX века» или «Гидра о тысяча восьми головах», как тогда называли «премудрость» правописания, «будут навсегда погребены», но в условиях широко развернувшейся после Октября кампании по ликвидации безграмотности стало очевидно, что новое правописание «не оправдало розовых надежд... качественная трудность усвоения... осталась в полной силе» [Канонькин 1929: 161]. Как отмечали публикации, посвященные осмыслению итогов реформы, складывалось впечатление, что писать стало не легче, а труднее, о чем свидетельствуют «вопиющие факты поголовной безграмотности и едва ли не единодушный вопль учительства» [Черных 1930:114]. Причина этого, с одной стороны, виделась в непрочности методологической основы реформы 1917 г., которая привела к таким ее «органическим дефектам», как «недостаточность», «непоследовательность» и «противоречивость», объяснявшихся

отсутствием у ее разработчиков «принципиальной точки зрения на письменный язык и его соотношение с языком устным», а без решения этого вопроса построение «рациональной орфографии» невозможно [Аванесов, Сидоров 1930: 111]. С другой стороны, утверждалось, что «русская орфография трудна и плохо усваивается», поскольку «в ее основе лежат противоречивые принципы» [Малаховский 1929: 60].

Первая послереформенная орфографическая комиссия 1929 г. охарактеризовала письмо как систему, в которой ни один из принципов правописания «не выдержан до конца», сильно «влияние церковнославянского языка вместо живого», что привело к значительной «удаленности от устной речи» правописания [Проект 1930: 6]. В связи с этим в послереформенной дискуссии горячо обсуждается вопрос «о наиболее последовательном проведении фонетического принципа» [Япольский 1931: 197].

Сближение правописания с живым произношением представлялось «признанным научным средством, действительно позволяющим сделать орфографию доступной» самым широким массам:

...трудности подстерегают пишущих там, где имеется расхождение живого произношения с предлагаемым орфографическим написанием (сделала — зделала, сдал — здал). Происходит же это расхождение потому, что в основе нашей орфографии лежит не фонетический

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Науменко Светлана Васильевна, кандидат филол. наук, доцент, зам. директора по научно-методической работе КГА ПОУ «Канский педагогический колледж».

E-mail: rgbsvnaum@mail.ru

принцип... Напишешь так, как говоришь, тебя сочтут неграмотным, неучем. Разрыв орфографии с живым языком... усложняет ее усвоение [Мальцев 1930: 88 – 91].

В периодической печати звучали требования: морфологическое начало «ограничить строжайшими рамками», но ввести в правописание «как можно больше фонетики» [Языковеды о реформе орфографии (анкета) 1930]. М.Н. Петерсон уверен, что слушателей школ грамотности «затрудняют те написания, которые не соответствуют произношению», потому что «для первоначального обучения орфографии наименьшее затруднение представляют фонетические написания... Морфологические труднее, но все же допускают осмысления на основании доступного материала... Традиционные написания не допускают осмысления... они должны только запоминаться». Таким образом, в условиях проводимой кампании по ликвидации безграмотности предпочтительными оказываются именно фонетические написания [Петерсон: Л. 20].

А.И. Ионин, член орфографической комиссии 1929 г., отмечает, что в рабочей аудитории, где «достаточно резко сказывается классовый подход к реформе правописания», рабочим постоянно «приходится удивляться, почему в нашем языке нужно писать совсем по-другому, чем произносить?» [Ионин 1929]. По мнению учащихся школ грамоты, «давно пора изжить эту несурезицу», когда «пишется так, а говорится этак» [Довершим реформу в грамматике 1929]. Письмо «не должно быть оторванным от разговорной речи», тогда «знание... орфографического правила будет подкрепляться знанием произношения и наоборот», пока же «фонетика при существующих правилах не только не направляет руку пишущего, а, наоборот, вводит часто в заблуждение» [Теверовская 1926: 57]. С учетом того, какой должна быть «фонетико-орфографическая гармония», отвечающая интересам миллионов обучающихся, была напечатана, например, статья А.М. Топорова «Долой балласт! (К вопросу об упрощении правописания)»: «*шьло, жыр, отжывший, нашы, ождать, революция, социализм; большева, синева; закричать, случайно, значат, упрощать, чястица, чюжда; предыдущая; прогресивно-го, обиженным; заметиш, угодиш, молодеж*» [Топоров 1929: 93 – 98].

Главным условием рационального письма И.В. Устинов также называет «соответствие звукам живого языка», т.е. фонетический принцип. Простота этого принципа, по его мнению, заключается в том, что от пишущего требуется лишь улавливать «ухом основные звуки слов» и уметь «передать их по определенной буквенной системе» [Устинов 1929]. Однако «фонетическое письмо (пиши, как говоришь) придало бы нашей орфографии самую неестественную форму», поэтому необходимым «коррективом к фонетическому принципу служит принцип этимологический». Достоинства письма зависят от того, как будут «скомбинированы между собой эти два начала». Автор представил проект необходимых орфографических изменений, предусматривавший, например, такие написания, как *ноч, рож, пишеш, реж; объяснение, Тат'яна; жыр, шыло; ушол, шолк; краснова, синева; апарат, комуна; штобы, што* и т.д. [Там же].

В.П. Вахтеров, говоря о необходимости «дальнейшего развития» итогов реформы, видит его в «торжестве фонетического принципа (пиши, как говоришь)» и в замене «существующего алфавита фонетическим [вс'о (всьо) и вс'э (всьэ)]» [Вахтеров 1923: 13, 17]. То, что пишется *Люди любят мед* вместо соответствующего произношению *Люди лубьят мьод* или *Луди лубат м'од*, по его мнению, свидетельствует о «ненаучности», «неестественности» и «искусственности» нашего правописания. Д.Н. Ушаков, возражая против тезиса о ненаучности русского правописания, подчеркивает, что письмо «не должно отождествляться ни с научно-фонетической транскрипцией, ни со свободно-фонетическим письмом: оно должно быть определенной системой, нетрудной для усвоения и годной для ясной, хотя и не абсолютно точной, передачи звуков», устойчивость орфографии может быть достигнута «путем сохранения этимологического (морфологического. — С.В.) начала, поскольку оно проявляется в современном литературном языке» [Ушаков 1923: 23].

Ни одна орфографическая система, как указывает А.М. Пешковский, «не может быть проведена строго по шнуру», конечно, основной «принцип все время должен руководить нами, все время должен светить нам, но все же он должен координироваться с целым рядом других», необходимо

«добиваться “органической связи” фонетического и морфологического начала: все, что имеет живые морфологические связи, должно быть в правописании морфологическим, все остальное — фонетическим» [Диспут в Комакадемии 1930: Л. 4–5, 20].

В.А. Мамонов (член комиссии 1929 г.) также убежден, что «монизм» какого-то одного начала потребует «построить совершенно новое здание, почти не считаясь с тем, что уже было, не оглядываясь на то, что было». Требование подчинить орфографию только фонетическому началу является «непосильной задачей», поскольку вынуждает отринуть орфографические традиции, а «мы связаны с языком прошлого» [Там же: Л. 33]. Многие участники полемики, полагает он, забывают, что «мы должны новую орфографию строить не в чистом поле, а имея колоссальную традицию, и разрывая с этой традицией мы не можем», поэтому «уступки» фонетическому принципу неизбежны [Там же: Л. 32].

По мнению П.Я. Черных, основу предстоящего упрощения правописания должно составлять единство фонетического и морфологического принципов, когда, «кроме фонетических написаний, допускаются также и нефонетические, в том именно случае, если то или другое написание слова, не совпадающее с произношением, поддерживается морфологией слова, устанавливаемой путем сближения этого слова с другими морфологически родственными словами: *вода (воду), могу (может), зуб (зуба)*» [Черных 1930: 115]. Если же такой морфологической поддержки не оказывается, то они «заменяются фонетическими написаниями: *жыр, широкий, идеш, мыш, тово, доброво*» [Там же]. Как полагает автор, строить русскую орфографию, опираясь лишь на фонетический принцип, «при недостаточном установившихся правилах литературного произношения» невозможно. Даже если вопрос с единым произношением в перспективе и может быть решен, тем не менее «последовательное проведение фонетического принципа в правописании не может не встретить весьма уважительных возражений», поскольку, например, «один и тот же предлог *с* должен будет изображаться четырьмя или пятью различными способами: *с тобой, з братом, ш шумом, ж женой, шь чем (или щем?)*». Трудность, как указывает П.Я. Черных, заключается именно в «определении пропорции» фонетических и морфологических написаний [Там же].

В связи с многочисленными учительскими письмами, в которых звучало «настойчивое требование» преобразований правописания на фонетической основе, редакция «Учительской газеты» обращается с просьбой к Д.Н. Ушакову «дать статью о возможности дальнейшего упрощения русского правописания» [Запрос редакции «Учительская газета» 1927]. Д.Н. Ушаков выделил несколько повторяющихся от письма к письму предложений и заметил, что практически все они являются «старым, взвешенным и отвергнутым» ранее специалистами материалом. Зачем же в таком случае «вновь переобсуждать обсужденное?» [Там же]. Так, требование писать *йама* и *йуг* вместо *яма* и *юг*, по его мнению, имеет «характер коренной ломки» орфографической практики. Отмечает он нелогичность и «странность» в избирательном применении фонетического принципа и в стремлении писать *-с-* вместо *-з-* не только во всех приставках, но и корнях, например *скаска, реска, завяска, замаска*, которое «почему-то ограничивается только буквой *-з-*?» [Там же]. Из всего множества предложений лишь два «заслуживают особенного внимания и, если бы мы когда-нибудь стали вновь реформировать орфографию, выступили бы на первый план», поскольку «в свое время были твердо намечены по зрелому обсуждению и не прошли почти случайно» [Там же]. Это отвергнутые на совещании Академии наук по вопросу об упрощении русского правописания 11 мая 1917 г. (вопреки решению орфографической подкомиссии 1912 г.) предложения не писать мягкий знак после шипящих в конце слов (*ноч, поплач, идеш, улечся, сплош*) и писать в соответствии с произношением после шипящих под ударением *-о-* (*чорный, печот, крючок, свежо, шол, лжот, жолтый*).

В октябре 1929 г. в Московском доме работников просвещения состоялся диспут «Что нужно для упрощения правописания и пунктуации?», где большинство выступавших вновь высказалось за «систему (орфографии — С.Н.), построенную на фонетическом принципе», когда написания, соответствующие морфологическому принципу, допускаются лишь как «необходимый корректив», т.е. «условный письменный облик литературного языка должен соответствовать звуковому» [Вокруг реформы правописания 1929: 170].

Б.В. Томашевский призывает всех сторонников главенства в правописании

фонетического начала «осмотрительно... относится к упрощенским универсальным принципам, вроде популярного фонетического (слухового)» [Языковеды о реформе орфографии (анкета): 1930]. Последовательно проведенный, он «создаст невообразимые затруднения», поскольку «умение правильно слышать и отдавать отчет в звуковом составе речи встречается только среди специалистов-филологов, и то не всегда», поэтому более «жизненным» оказывается принцип «живой морфологии» [Там же]. Это мнение разделяет и В. Малаховский, подчеркивая, что «русский язык отличается прозрачным морфологическим строением, поэтому одним фонетическим принципом русская графика никак удовлетвориться не может» [Малаховский 1929: 61].

Учитывая настойчивый призыв общественности к дальнейшему упрощению, созданная в ноябре 1929 г. орфографическая комиссия поставила перед собой задачу «приблизить начертание слов к их звучанию», заявив, что письмо «реформировать... надо и непременно в плане приближения к живой речи» [Проект 1930: 6]. В качестве необходимого корректива к фонетизму «удерживающим письмом от окончательного распада», комиссия указывала морфологическое начало, делающее текст «удобочитаемым» и осмысленным «за счет зрительного образа слова во всех его формах словоизменения и словообразования» [Там же: 7]. Требование «максимального приближения письма к живой речи», как утверждается в разработанном комиссией «Проекте реформы правописания» (1930 г.), было четко сформулировано еще М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике». В качестве аргумента приводятся следующая ломоносовская цитата: «В правописании наблюдать надлежит: 1) чтобы оно не отходило далече от главных российских диалектов; 2) чтобы не удалялось много от чистого выговора» [Там же]. Как видим, часть оригинальной цитаты (*чтобы не закрылись совсем следы произношения и сложения речений*), существенной для понимания позиции М.В. Ломоносова как убежденного сторонника морфологического начала в правописании, оказалась опущена [Рождественский 1937: 47–62].

С.И. Ожегов, анализируя различные «ультрарадикальные» предложения «о реформе орфографии на фонетической основе» 30-х гг., заметит, что они «были тесно

связаны... с представлениями о языке как надстройке», отсюда и кажущаяся неизбежной необходимость «взрыва», который «орфография должна претерпеть, разорвав с капиталистической надстройкой». Между тем «морфологическое письмо столь же хорошо обслуживает и социалистическую надстройку» [Ожегов 1950].

О своеобразной «асоциальности» фонетического письма говорили Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров — представители Московской фонологической школы (МФШ), возникшей в конце 20-х гг. XX в.: в правописании произношение не может «проводиться последовательно», иначе «неизбежно придется иметь столько орфографических систем, сколько пишущих людей» [Аванесов, Сидоров 1930: 113]. Между тем задача литературного письменного языка, как указывает Г.К. Данилов, заключается в том, чтобы преодолеть языковую разобщенность отдельных диалектов: «...при естественном разнообразии выговоров, которыми богат СССР, вследствие разнородности своего племенного состава, только единообразное правописание, чуждое каких-либо индивидуальных черт, дает легкую и привычную символику, экономящую время чтения, следовательно, и понимания» [Данилов 1927: 160].

Социальной природе языка, по мысли Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова, отвечает фонематическое письмо, передающее «не звуки в отрыве от их значения, а фонемы», основанное «на соответствии буквы и фонемы», что и обеспечивает «единство в написании морфемы» [Аванесов, Сидоров 1930: 113]. Такое письмо «не стремится изображать каждый звук в том виде, как он реально был произнесен говорящим», оно передает только те «звуковые качества, которые дифференцируют морфемы, отличают одно слово от другого, следовательно — одно значение от другого», поскольку «не всякое изменение звукового качества связано с дифференциацией значения... например, в словах “лес”, “о лесе”, “леса”, “лесник”, “лесовод” в корневой морфеме произносится каждый раз неодинаковый по своему качеству гласный звук, отличающийся характером артикуляции, той или иной долготой» [Там же].

В представлении авторов, фонологический принцип оказывается «единственным принципом рациональной орфографии», его нередко называют морфологическим, хотя данное название «не вполне

точно», поскольку «единство в написании морфемы является результатом единства написания фонемы» [Там же]. Теория фонематического характера русского правописания далее была подробно изложена в работе И.С. Ильинской и В.Н. Сидорова, где утверждалось, что для русской орфографии всегда было характерно стихийное стремление к последовательному применению фонематического принципа на всех этапах ее становления [Ильинская, Сидоров 1953]. В.В. Каверина, анализируя правописный узус XVII–XIX вв., уточнит, что «тенденция к фонемному письму в данный период осознавалась как стремление к единообразию морфем, что и отражалось в текстах» [Каверина 25].

В качестве контраргумента Н.С. Рождественский, ссылаясь на И.А. Бодуэна де Куртенэ, который, «впервые установил понятие фонемы», указывает на то, что «она — подвижный компонент морфемы и признак известной морфологической категории» [Рождественский 1936: 60–61; Парубченко 2007: 353]. Сложившаяся система правил регулирует написание «морфологических частей слова», отражая «грамматическую структуру слова», поэтому на практике «фонематическое письмо становится морфологическим», а русская орфография — «насквозь морфологична» [Там же].

С другой стороны, представители Ленинградской фонологической школы (ЛФШ) обосновывали необходимость «систематического проведения» именно морфологического принципа: фонетический принцип, «наилучший в смысле легкости» для пишущего, «оказывается ложно-демократическим для языка, имеющего широкое распространение, свою историю и большое количество литературных памятников», поскольку все мы неизбежно «говорим по-разному» [Щерба 1931: 192–193]. Морфологический принцип «помогает осознанию самого языка, это — плюс, которого не дают ни принцип фонетический, ни принцип исторический» [Там же].

Особое внимание обоснованию морфологического принципа в качестве ведущего в русском правописании уделяет С.П. Обнорский, участвовавший в работе всех орфографических комиссий после реформенного периода, называя его «национальным принципом». Ошибочно думать, что «если бы мы больше писали по произношению, то наша орфография была

бы легче» [Обнорский 1939: Л. 2, 9]. Это «прямое заблуждение», поскольку писать «по произношению, т.е. фонетически», было бы действительно удобно, «если бы все имели совершенно одинаковое произношение», однако «наше произношение, при громадной территории распространения русского языка, сильно разнообразится» [Там же: Л. 8]. Морфологический принцип «следует считать огромным преимуществом нашего письма», он объединяет всех говорящих по-русски независимо от их произношения и «должен быть признан здоровым социальным принципом», недаром на «протяжении всей истории русского письма он всегда оставался главной его основой» [Там же: Л. 9]. Отсюда основное положение в орфографической работе — «всегда считаться с морфологической базой и без необходимости ее не нарушать» [Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР: Л. 14–15, 54].

Подводя итог после реформенным спорам о ведущем принципе орфографии, С.И. Ожегов укажет: «Наша современная “грамматическая” орфография построена... на морфологическом принципе. Это значит, что каждая морфологически выделяемая часть слова как грамматического строения — корень слова, приставка, суффикс, окончание — сохраняет единообразное написание во всех случаях, независимо от их произношения в разных положениях в слове... Исключения, возникающие в разное время как отражение произношения, немногочисленны» [Ожегов 1957: Л. 4–5].

Таким образом, первое послеоктябрьское десятилетие характеризовалось многочисленными призывами к новой реформе правописания на основе фонетического принципа в интересах обучения неграмотных. С конца 30-х гг. XX в. в полемике между МФШ и ЛФШ в качестве ведущего принципа русской орфографии и главного ориентира для нормализаторской деятельности правительственных орфографических комиссий, работавших над созданием Свода 1956 г., начинает утверждаться морфологический принцип, который «на протяжении всей истории русского письма оставался главной его основой», обеспечивая устойчивость «связей» русского языка «с нашей классической литературой» [Обнорский 1939: Л. 2, 9].

Поиск рациональной основы правописания продолжается и сегодня. Для

современного этапа характерна тенденция «найти новую теоретическую базу в формулировках, не основывающихся на понятиях какой-либо фонологической школы» [Арутюнова 2015: 9]. В частности, А.И. Моисеев так определяет ее основание:

Основной принцип современной русской орфографии является (называется) морфологическим, так как он обеспечивает единообразное написание конкретных морфем путем приравнивания обозначения звуков слабых позиций к обозначению соответствующих звуков сильных позиций в пределах одной и той же морфемы вне зависимости от того, составляют ли эти звуки, позиционно чередующиеся между собой, одну фонему (по МФШ) или могут быть представителями разных фонем (по МФШ). Важно лишь то, что они входят в одну морфему, в фонетические варианты одной морфемы [Моисеев 1995: 63].

Пытается согласовать оба принципа и Л.Б. Парубченко:

Если понимать под принципом письма ответ на вопрос: как написано слово? — т.е. что обозначает буква на письме? — то не приходится спорить с тем, что доминирующий принцип русского письма фонематический, согласно которому буква обозначает на письме фонему... по ее звучанию в абсолютно сильной позиции. Если понимать под принципом письма ответ на вопрос: как пишут люди, владеющие нормативным письмом? — то «принцип письма», а точнее... «процесс»... «технология» и т.п. «окажутся» морфологическими: действительно, пишем и читаем мы «не по буквам и не по слогам, а по составным частям слов», по морфемам, передавая и воспринимая их фонемный состав [Парубченко 2007: 353].

В новом академическом справочнике в качестве основного принципа передачи на письме значимых частей слова указывается «принцип необозначения на письме мены звуков под влиянием положения в слове» [Правила 2006: 14].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Реформа орфографии в связи с проблемой Письменного языка // Русский язык в советской школе. — 1930. — № 4.

Арутюнова Е.В. Реформы русской орфографии и пунктуации в советский и постсоветский период: лингвистические и социальные аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015.

Вахтеров В.П. Реформа правописания не закончена // Вестник просвещения. — 1923. — № 7—8.

Вокруг реформы русского правописания // Русский язык в советской школе. — 1929. — № 6.

Данилов В. К вопросу об этиологии современной безграмотности // Родной язык в школе. — 1927. — Кн. 1.

Диспут в Коммунистической академии (1930 г.) // АРАН. — Ф. 358. — Оп. 2. — Д. 75.

Довершим реформу в грамматике (редакционная статья) // Комсомольская правда. — 1929. — № 117.

Запрос редакции «Учительская газета» (февраль 1927 г.) // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 1. — Д. 68.

Ильинская И.С., Сидоров В.Н. Современное русское правописание // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. — М. — 1953. — Т. XXI I. — Вып. 2.

Ионин А.И. За решительную реформу русского правописания // Учительская газета. — 1929. — № 127.

Каверина В.В. Становление русской орфографии в XVII—XIX вв.: правописный узус и кодификация: Дисс. ... док. филол. наук: 10.02.01. — М., 2010.

Каноныкин Н. Спорные вопросы правописания в школе // Родной язык в школе. — 1927. — Кн. 1.

Малаховский К вопросу об упрощении правописания // Просвещение Сибири. — 1929. — № 10 (67).

Малаховский В.А. К вопросу об упрощении правописания // Просвещение Сибири. — 1929. — № 11 (68).

Мальцев М.Д. О новом правописании (В порядке обсуждения в связи с Всероссийским орфографическим съездом) // Молодая гвардия. — 1930. — № 21.

Моисеев А.И. Основной принцип современной русской орфографии: морфологический или фонемный? // Русский язык в школе. — 1995. — № 1.

Обнорский С.П. Записка «О задачах правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка» (14.10.1939) // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — № 165.

Ожегов С.И. По поводу записки т. Доценко «О реформе русской орфографии» (октябрь 1950 г.) // АРАН. — Ф. 1516. — Оп. 1. — Д. № 158.

Ожегов С.И. Русская орфография (1957) // АРАН. — Ф. 1516. — Оп. 1. — Д. 79.

Парубченко Л.Б. Еще раз об основном принципе русского письма // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М., 2007.

Петерсон М.Н. Научное обоснование реформы правописания. Автограф (без г.) // АРАН. — Ф. 696. — Оп. 1. — Д. 29.

Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник. — М., 2006.

Проект реформы правописания. — М.; Л., 1930.

Рождественский Н.С. К характеристике современной русской орфографии // Русский язык в школе. — 1936. — № 2.

Рождественский Н.С. М.В. Ломоносов в истории русской орфографии // Русский язык в школе. — 1937. — № 1.

Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // АРАН. — Ф. 456. — Оп. 1. — Д. 35.

Теворовская Р. Упрощение орфографии // Родной язык в школе. — 1926. — Сб. 10.

Топоров А.М. Долой балласт! (К вопросу упрощения правописания) // Просвещение Сибири. — 1929. — № 10 (67).

Устинов И.В. Реформа русского правописания 1917 г. осталась незавершенной // Учительская газета. — 1929. — 19 октября.

Ушаков Д.Н. Чем не закончена реформа правописания? (По поводу статьи В.П. Вахтерова) // Вестник просвещения. — 1923. — № 7–8.

Черных П.Я. К вопросу о новом упрощении правописания // Просвещение Сибири. — 1930. — № 1 (70).

Щерба Л.В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Известия Комиссии по русскому языку АН СССР. — 1931. — Т.1.

Языковеды о реформе орфографии (анкета) // Красная газета. — 1930. — 12.04. (вечерний выпуск).

Япольский М. Азбука или буквосвод // Русский язык в советской школе. — 1931. — № 2.

ХРОНИКА

В защиту русского языка

6 июня 2017 г. в Общественной палате Российской Федерации в режиме телемоста состоялся круглый стол «Русский язык в школе и вузе: работа над ошибками».

В ходе обсуждения выступающие обобщили достижения современной политики в области филологического образования. В частности, членом Общественной палаты Р.А. Дощинским было отмечено, что суммарно количество часов на изучение русского языка в школе за последние годы не уменьшилось; в календаре появились новые даты – День русского языка (6 июня), День словаря (22 ноября); проводят большую работу Советы по русскому языку при Президенте РФ и Правительстве; образовано Общество русской словесности; принята Концепция преподавания русского языка и литературы; конкретизируется ФГОС в части результатов обучения по русскому языку.

В то же время существует ряд нерешенных проблем в области филологического образования. Председатель Исполкома Общероссийской общественной организации «Ассоциация преподавателей русского языка и литературы высшей школы» Л.В. Фарисенкова признала, что самой большой ошибкой в 90-е годы была «сдача» воспитания. Школа и вуз не могут заниматься только обучением и тем более самообучением. Это должно стать непреложной истиной, нашим национальным брендом. С этих позиций преподавание русского языка сегодня остро нуждается в ценностно-смысловом наполнении.

По мнению профессора А.Д. Дейкиной, в настоящее время в области преподавания отечественного языка имеется много деклараций; отдельные мероприятия, направленные на популяризацию русского языка, не спасают положения дел. Так, отсутствует широкий общественный резонанс при праздновании Дня русского языка. А ведь русский язык, как утверждается и в официальных документах, – гарант национальной безопасности.

В выступлениях главных редакторов журналов «Русский язык в школе» и «Литература в школе» Н.А. Николиной и Н.Л. Крупиной подчеркивалась настоятельная необходимость возвращения в школы подписных изданий, использование которых учителями-словесниками является формой повышения квалификации; плодотворно также включение их материалов в образовательный процесс в педагогических вузах. Главные редакторы отметили, что за последние годы снизился уровень присылаемых для публикации статей. Ведущие научно-методические журналы представляют собой проверенные временем экспертные площадки, на которых педагоги отработывают свое мастерство, участвуют в общественно-профессиональной жизни, создавая единое филологическое образовательное пространство страны. Для оптимального выполнения периодическими изданиями их важной функции сейчас требуется государственная поддержка.

Р.А. ДОЩИНСКИЙ (Москва)